

КАК ДЕЛАЮТ ГОРЫ

✓
Хочу рассказать о тех, кто возводит на сцене дворцы, прорубает ущелья и наполняет озера водой. Работников этих почти четверста. Их фамилии значатся в штатном расписании художественно-производственных мастерских Большого театра и Кремлевского Дворца съездов.

Впервые попав в мастерские, я оказался перед огромной горой — крутой, суровой, неприступной. Казалось, она весит сотни тысяч тонн и никакие силы не заставят ее сдвинуться с места...

Вскоре на чисто вымытом полу стояли аккуратные конструкции. Горы не было!

— Много сил для этого не потребовалось, — говорит заместитель директора мастерских Георгий Андреевич Лужевский. — Как только закончили полностью макет горы, сразу же ее и отправили в театр. Место ей определено в спектакле «Франческа да Римини».

Да, масштабами мастеров не удивишь. В их рабочих чертежах то и дело встречаются слова: «Высота колонн — десять метров», «Длина панорамы — сто метров», «Ширина декорации — двадцать метров»...

Лифт поднимает меня на верхний этаж. Миновав запутанные коридоры, попадаю в просторный зал со множеством низко нависающих светильников. Это живописно-декорационный цех. На полу расстелены огромные холсты — занавесы, кулисы новых постановок.

— Большой собирается на гастроли в Италию, — пояснил Г. А. Лужевский. — Обновляем «гардероб» для каждого спектакля.

Декораторы Марина Леонович и Маргарита Прокудина орудуют гигантскими почти малярными кистями, окуная их в ведра с краской. Они сделали большой занавес для «Спящей красавицы». Работали над ним месяц. А еще были десятки, сотни эскизов. И все для того, чтобы зритель на «Спящей красавице» почувствовал себя в мире сказки.

— Как делают хрусталь? — спрашиваю я, увидев его отличную подделку.

— Очень просто, — говорит бутафор. — Берем кусочек обычного плексигласа, впрессовываем в него серебристую фольгу — и хрусталь

готов. Эффект полный. Так было, например, с люстрами для «Анны Карениной».

Даже в нескольких шагах невозможно отличить плексиглас от сверкающего горного хрусталя. Опоясывающая люстру чеканка по меди, выполненная Евгением Фоминым и Валерием Растатуевым, не уступает старинной бронзе...

Люстра — только одно из чудес. Вот «брильянты» из стекла, рыцарское оружие из папье-маше, бутафорские цветы и плоды трудно отличимы от настоящих.

Художник-бутафор Нина Евтихеевна Кутилина берет в руку серовато-белый шар, несколько раз проводит по нему тонкой кисточкой, потом ватным тампоном и протягивает мне... спелую грушу.

— В наших мастерских делаются не только бутафория и декорации, — говорит заместитель директора Г. А. Лужевский. — Ассортимент подлинных изделий у нас тоже богатый.

В мастерских шьют костюмы для спектаклей. Для «Спящей красавицы» их нужно было около трехсот — ярких, необычных, сказочных. Здесь делают отличные струны для скрипок и народных инструментов. Струны эти по праву считаются лучшими и не уступают продукции известных фирм.

В пастижерном цехе делают парики. Мастера досконально изучили моды, пожеланий, всех времен и народов.

В цехе обуви шьют балетные туфли — пуанты. Лучше этих пуантов нет. Майя Плисецкая выходит на сцену только в туфлях, сшитых Людмилой Алексеевной Пискуловой. Пуанты для Галины Улановой шила Евдокия Петровна Шитова. А требования Екатерины Максимовой лучше всех изучила Мария Михайловна Коробейникова. Пуантов надо очень много — одна prima-балерина за спектакль изнашивает их три пары!

Есть здесь и мастерская по ремонту музыкальных инструментов, специальные цехи по окраске и обработке ткани, обойный цех, трикотажный... Словом, это уникальная фабрика, достойная Большого театра.

В зале вспыхивает свет, и мы уходим из театра. А ущелья, дворцы, озера уносятся в хранилища. До следующего спектакля.

С. ЛЕОНИДОВ.

ЛЕОНИДОВ С. ПРАВА
МОСКВА

2 СЕН 1973